

Алексей Мошин

Два мецената

Алексей Мошин
Два мецената

«Public Domain»

1905

Мошин А. Н.

Два мецената / А. Н. Мошин — «Public Domain», 1905

ISBN 978-5-457-13070-8

Сергей Петрович Воронин служил в правлении N-ского страхового общества и зарабатывал довольно для того, чтобы жить с семьёй в полном достатке, если, конечно, не позволять себе чего-нибудь особенного; но он имел пагубную страсть собирать произведения живописи. Жил он скромно, не пил, не считая случаев, когда «необходимо бывает» выпить: в торжественных обстоятельствах, – и даже не курил; сам одевался и семью одевал так, чтобы только было мало-мальски прилично, – и всё-таки всегда нуждался в деньгах из-за своей пагубной страсти...

ISBN 978-5-457-13070-8

© Мошин А. Н., 1905
© Public Domain, 1905

Содержание

I	5
II	7
III	8
IV	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Алексей Николаевич Мошин

Два мецената

I

Сергей Петрович Воронин служил в правлении N-ского страхового общества и зарабатывал довольно для того, чтобы жить с семьёй в полном достатке, если, конечно, не позволять себе чего-нибудь особенного; но он имел пагубную страсть собирать произведения живописи. Жил он скромно, не пил, не считая случаев, когда «необходимо бывает» выпить: в торжественных обстоятельствах, – и даже не курил; сам одевался и семью одевал так, чтобы только было мало-мальски прилично, – и всё-таки всегда нуждался в деньгах из-за своей пагубной страсти. Когда он обращался к кому-либо из знакомых с просьбой одолжить ему двадцать пять рублей до жалованья, – ему сначала редко отказывали: Воронин прежде аккуратно расплачивался; ему давали займы, но укоризненно качали головой, а некоторые приятели и прямо его упрекали:

– Опять какую-нибудь мазню присмотрел?... Эх ты...

Один только знакомый, старик бухгалтер Мурзилов, находил извинение этой страсти Сергея Петровича. Мурзилов говорил:

– Каждый по своему с ума сходит. У каждого человека есть своя зацепка... А Сергей Петрович, при своей странности, человек достойный.

Воронин понимал толк в живописи. Многие известные художники знали его лично, потому что он приходил к ним в мастерскую, знакомился и говорил:

– Простите пожалуйста, что осмеливаюсь вас беспокоить... Но у меня страсть... Несколько мазков вашей кисти, – это моя мечта... Между тем, я не имею возможности затратить больше пятидесяти рублей... Может быть за эту сумму вы мне уступите какой-нибудь, самый незначительный, набросочек.

Если художник уже слышал о Воронине, – он охотно продавал ему за пятьдесят рублей этюд или эскиз, которые стоили гораздо больше. Если Воронин был художнику совсем неизвестен, – выяснялось сейчас же, как тонко понимает странный меценат в живописи, как верно угадывал он замыслы, грёзы художника по нескольким штрихам... Знакомство устанавливалось и Воронин уходил с этюдом. Иногда с него даже не брали денег совсем и, во внимание к его «охоте смертной при участии горькой» дарили ему этюд. Тогда Воронин старался изыскать всякие способы, чтобы не остаться в долгу перед художником: присылал тому что-нибудь в подарок «от неизвестного» или сам приносил несколько вещей своего изделия: Воронин выжигал по дереву, недурно выходили у него и тиснения по коже, и некоторые другие кустарно-художественные работы.

Долго не решался Воронин пойти к художнику Зимину, старому профессору, слава которого гремела по всему миру. Но наконец решился пойти и к Зимину. Предварительно Сергей Петрович считал необходимым собрать деньжонок не меньше, как сто рублей. И с этой суммой было страшно к Зимину пойти, – это не то, что к Рамилову, который и за двадцать пять дал великолепный эскиз своей картины, или к Рубаченко, – который за пятьдесят уступил настоящую картину. Когда настал желанный час для Сергея Петровича и он, признав малую толику, положил в свой тощий кошелек целую сторублёвку, – он не мог дожидаться воскресенья, дня свободного от службы, а просто отпросился у начальника и поехал к Зимину.

Сергея Петровича провели в гостиную, и к нему вышел из мастерской художник в синей блузе поверх пиджака.

Зимин выслушал внимательно говорившего робко Сергея Петровича, взял сто рублей, попросил минутку обождать и вынес из мастерской маленький набросочек карандашом, вырванный из альбома и даже не подписанный.

– Вот вам... Больше ничего не могу.

Воронин взглянул на рисунок, подлинный рисунок великого художника и, приняв с благоговением маленький листок бумаги, поблагодарил за внимание к его просьбе.

Профессор пристально и серьёзно смотрел на Воронина и довольно сдержанно с ним простился. Но когда Сергей Петрович уже оделся в передней и собрался уходить, Зимин попросил его остаться на несколько минут и посмотреть его мастерскую.

Замирая от восторга, Сергей Петрович сбросил пальто и пошёл за художником в его мастерскую. Здесь профессор стал показывать Сергею Петровичу свои картины и оконченные, и только начатые, показывал этюды, эскизы, альбомы.

– Столько счастья вы дали мне, профессор, столько счастья... – благодарил Сергей Петрович.

– А как вам нравится вот эта? – спросил Зимин, показал небольшую свою картину «Госка», которая была на прошлой выставке и вызвала много толков.

– Это... об этой картине так много говорилось, – скромно ответил Воронин.

– Ну, а ваше личное мнение? Откровенно...

– Откровенно, – это одна из самых лучших ваших работ, профессор... Мне кажется, вы писали эту вещь в наивысшем экстазе художественного творчества.

– Да... Так вам эта картина нравится... Вот что: рисунок, что вы у меня купили, стоит не дороже пяти рублей, – а вы заплатили сто...

– Полно, что вы... Разве можно так ценить художественные произведения... Да если б я был богат, – я бы...

– Пусть уж оно так и будет: пятирублёвый рисунок у вас останется за сто... А вот «Госку» я вам дарю, – благо она вам нравится... Пожалуйста, пожалуйста, не отказывайтесь... Я в деньгах не нуждаюсь... А мне приятно, что эта вещь будет в хороших руках... Насколько я вас понял...

На прощанье Зимин сказал Сергею Петровичу:

– Вы меня извините, – я вас сначала за маклака принял... хитрый народ, – на всякие штуки пускаются... А теперь я рад, что с вами познакомился.

II

У Воронина собралась довольно богатая коллекция художественных произведений: рисунки карандашом и пером, этюды, эскизы масляными красками и акварелью, даже были картины; каждая вещь была в богатой раме, обдуманной строго, с любовью к тому произведению, для которого заказывалась рама; у Воронина было много вкуса. Сергей Петрович не умел успокоиться до тех пор, пока приобретённое им художественное произведение не вставлялось в раму. На рамы он так же сколачивал деньги, отказывая себе во многом из того, что в каждой заурядной семье считается необходимым, – он даже занимал деньги на рамы, как занимал, чтобы приобрести самое художественное произведение. И мало-помалу у непрактичного, нерасчётливого Сергея Петровича накопилось много долгов. Ему приходилось «переворачиваться из кулёк в рогожу», занимать в одном месте, чтобы отдать в другом. Мало-помалу Сергей Петрович перестал быть аккуратным должником, – приходилось пропускать сроки, оттягивать платежи, – просить об отсрочке, – иногда клянчить, часто унижаться...

Но едва Сергей Петрович на несколько дней выбивался из трудного положения, едва он один или с женой забивался в угол своей гостиной, – он отдыхал душой, успокаивался.

Небольшая гостиная Воронина, она же и кабинет, была уютно обставлена. Дешёвые ткани кустарного изделия, дощечки и полочки с выжиганием своей работы, с таким вкусом были расположены над дверьми и окнами, и на стенах, что казались красивее, милее, чем дорогие декоративные украшения, покупаемые в магазинах. Только одна была ценная вещь в комнате, кроме картин, – бронзовая фигура, которую получил Воронин от одного мебельщика-антиквара в обмен на свою работу.

Окидывая взглядом висевшие на стенах картины, этюды, – Воронин становился счастливым человеком: забывал обо всех неприятностях и дрязгах, о кредиторах, о насмешках сослуживцев над ним, который всем должен; он погружался весь в созерцание этих результатов творчества художников, любовался каждым талантливым штрихом, мазком; перед ним выступали из рам живые люди с разными их чувствами, и Сергей Петрович знал, понимал и любил каждое лицо этих картин, этюдов; и казалось ему, что так же и «они» его знали и любили. Глядя на маленький пейзаж Левитана, Сергей Петрович забывал о том, что он в Петербурге, что кругом громады-дома, что на улице пасмурно и холодно... Ему казалось, что смотрит он не в раму этюда, а в маленькое окошечко, – и видит деревеньку с церковью на берегу. Жаркий летний день; истомой дышит воздух; грозовая туча заволокла всё небо, – вот-вот блеснёт молния, гром загремит, польёт благодатный дождь-ливень; ярко отразилась в реке и туча, и деревенька с церковью, и челнок у бережка...

Жена Воронина, Надежда Николаевна, научилась от мужа понимать и любить художественные произведения; она старалась сэкономить по хозяйству, чтобы можно было заплатить поскорее какой-нибудь долг и чтобы можно было купить ещё что-нибудь у художников.

Когда наступали тяжёлые дни, и Сергей Петрович начинал падать духом, – Надежда Николаевна старалась успокоить его: звала детей, – те лезли к отцу на колени, и Сергей Петрович приходил в хорошее настроение и вскоре начинал уже твёрдо надеяться на авось:

«Может быть наградные в этом году увеличат... Может быть прибавят жалованья. Пять лет на одном окладе работаю... Может быть назначат опять вечерние занятия за плату. Максимов наверное отстрочит платёж, ему бы только проценты получить... А между тем сэкономим, отложим что-нибудь»...

III

Приближался срок платежа знакомому чиновнику N-ского департамента Бузунову, который, получив маленькое наследство, пускал деньги в рост. Сергей Петрович должен был Бузунову четыреста пятьдесят рублей, но требовалось скоро отдать только сто пятьдесят, остальные триста – через полгода.

Сергей Петрович уже собрал сто двадцать пять, остальные двадцать пять надеялся он достать в течение недели, которая оставалась до срока. В крайнем случае, Бузунов, человек одинокий, в деньгах не нуждающийся, – не рассердится, если немного не хватит для платежа.

В воскресенье Сергей Петрович воспользовался свободным днём, чтобы сходить на посмертную выставку художника Вильда. О смерти Вильда Сергей Петрович жалел тем более, что ничего не успел купить у этого художника, самобытного и очень известного. На выставке множество работ Вильда продавалось, и Сергея Петровича заинтересовало, сколько может стоить на посмертной выставке вот этот маленький этюд – кузнец за своей работой, ярко освещённый красным светом от горна.

Воронин пошёл в бюро выставки справиться, – из любопытства.

– Пятьдесят рублей, – ответили ему.

– Не может быть: вы ошибаетесь... Я спрашиваю о цене вот этюда... кузнец... Не дороже ли?

– Именно пятьдесят рублей, – повторили ему.

– В таком случае – получите деньги, этюд я покупаю.

Радостный шёл Сергей Петрович домой: приобрёл такое чудное произведение талантливого художника... Смущала только мысль о предстоящем объяснении с Бузуновым.

– Эх!

Тряхнул головой Сергей Петрович и увидел знакомого студента Мордика, весёлого жизнерадостного молодого человека. Теперь Мордик в глубоком раздумье сидел на табурете дворника, у ворот дома, в котором жил. Вдруг он порывисто поднялся и, не замечая подхлывшего Воронина, хотел уйти в ворота. Сергей Петрович его окликнул.

– Что это вы, Мордик, не решили ль, как перевернуть землю, даже без архимедова рычага?

Мордик очень спешил уйти, но велика была и потребность высказаться. Он обрадовался Воронину:

– Вы почти угадали... Я поглощён был наукой о равновесии... Только что решил статическую задачу... Сестра лежит больна... ей нужна операция, а в больницу везти опасно: пожалуй, не довезём... Надо пригласить хирурга... Денег нет... Если я отдам сколоченные от уроков мои пятьдесят рублей, то ей сделают операцию дома, и она будет жива, а меня выгонят из университета за невзнос платы за учение... Ну, так вот, я, наконец, решил задачу: отдаю деньги за жизнь сестры и бросаю пока университет... И какой подлый человек я: не сразу ведь решил, а ушёл от сестры, да с полчаса думал: очень себя жалко...

– Зачем же, Мордик, университет бросать?.. Вы могли бы... Ну, хотя занять где-нибудь...

– Не мог бы, – ошибаетесь: во-первых, я не знаю, когда и чем отдам долг, а во-вторых, – мне никто не даст...

– Отчего же так? Вот, пожалуйста, возьмите пятьдесят рублей... Отдадите, когда кончите университет и будете много зарабатывать...

Мордик взял деньги, молча крепко пожал руку Сергея Петровича и поспешно шагнул в ворота: Мордик чувствовал, что у него сейчас брызнут слёзы и боялся, что это заметит Воронин.

Сергей Петрович неловко чувствовал себя, когда явился в N-ский департамент и сказал сторожу:

– Передайте г-ну Бузунову, что я прошу его пожаловать в приёмную комнату... что я здесь буду ждать...

Сторож в мундире с галуном ушёл, и Сергей Петрович остался один в приёмной комнате.

Бузунов скоро пришёл. Это был высокий, сухой человек средних лет, в золотых очках, с холодным взглядом белесовато-синеватых глаз; жиденькие бородка и усы, тонкие чуть-чуть сжатые губы, гладкая причёска на косой пробор. Сергей Петрович – человек среднего роста, с склонностью к полноте, с небрежно лежавшими волосами на голове, с открытым ясным, немножко наивным взглядом серых глаз, чувствовал себя перед Бузуновым как будто маленьким, пришибленным, жалким.

Бузунов рассчитывал получить сто двадцать пять рублей; он приветливо протянул руку:

– Здравствуйте, Сергей Петрович...

– Здравствуйте, Захар Васильевич. А у меня к вам большая просьба: так обстоятельства сложились... Непредвиденные обстоятельства... – путался Сергей Петрович, – будьте так добры, отсрочить мой платёж...

– Но ведь первый платёж небольшой, – сто пятьдесят рублей... Там ещё триста... – холодно напомнил Захар Васильевич.

– К тому времени я и все отдам... Непременно отдам. А что насчёт процентов...

Бузунов поморщился: он любил, когда ему платили проценты, но терпеть не мог, чтобы о них говорили.

– Видите ли, Сергей Петрович... Мы с вами оба оказались в очень даже неприятном положении... Так я на вашу аккуратность надеялся, так надеялся... и вдруг... Очень даже неприятное положение... Теперь я должен вам признаться: мне крайне нужны были деньги, и я ваши векселя продал... одному знакомому. Хотя векселя оба написаны «по предъявлению», но мой знакомый дал мне слово, что если вы в срок уплатите первый взнос, то он второй обождёт полгода, как и я вам обещал... Теперь же я боюсь, как бы он не поссорил нас с вами, Сергей Петрович, – неприятно было бы...

Сергей Петрович понял, что Бузунов хитрит и хочет прижать его через какого-то знакомого.

– Бога ради, пощадите, Захар Васильевич, дайте срок, – соберу вам эти сто двадцать пять рублей не позже, как через неделю...

– Теперь уже я не при чём... обстоятельства заставили продать векселя...

– Так попросите вашего знакомого... Не без сердца же он человек...

– С удовольствием попрошу... Это я с удовольствием... И очень может быть, что всё уладится... А меня начальство ждёт... До свидания, Сергей Петрович...

IV

Вечером Сергей Петрович делился своими страхами с женой. Миниатюрная, ещё красивая блондинка, Надежда Николаевна старалась его успокоить. Она прижалась к мужу в уголке дивана, обняла и смотрела ему в глаза своими ясными, добрыми глазами.

– Всё это не так скоро может случиться... Очень ты мнителен, Серёжа... Вернее, что придёт этот его знакомый и назначит новый срок... Продадим что-нибудь...

Сергей Петрович с тоской взглянул на картины. Надежда Николаевна поспешила сказать:

– Что-нибудь похуже отберём, что теперь не так уже дорого тебе... Сам же ты говорил, что несколько более слабых вещей не мешало бы совсем убрать, что не место им рядом с картиной Зимина... Отберём и продадим, – вот и хватит рассчитаться с Бузуновым... А пока он ещё напустит на нас этого знакомого, может быть даже и ничего не продавая достанем денег... Кто-нибудь выручит...

– Чувствует моё сердце, – говорил Сергей Петрович, – получу завтра же повестку в суд.

– Что ж, если и получишь, – успокаивала Надежда Николаевна, – пока ещё суд, – успешь, в крайнем случае, продать что поплоче...

Утром Сергей Петрович только что отпил кофе и собирался уходить на службу, в передней раздался резкий звонок.

Надежда Николаевна почему-то схватилась за сердце, Сергей Петрович побледнел.

Прислуга открыла дверь и сообщила:

– Судебный пристав и г-н Кусанов.

В переднюю вошли эти двое: в судейской форме пожилой рыженький господин и с ним – «штатский» – толстяк с бритыми жирными щеками; его густые усы опускались на бороду; когда он снял шляпу, оказался остриженным ежом. Глаза навывкате смотрели поверх золотых очков, съехавших на конец носа.

Они без приглашения сняли в передней пальто и прошли в гостиную.

Пристав вежливо поклонился хозяевам этой квартиры; Кусанов же не поклонился, он еле взглянул на Сергея Петровича и Надежду Николаевну, повертел пальцами массивную золотую цепь на жилете, заложил руки за спину и, подняв голову, стал сквозь очки рассматривать обстановку этой незнакомой ему квартиры, в которой он чувствовал себя хозяином.

– Я, судебный пристав, явился к вам по предписанию суда для описи вашего имущества на обеспечение иска с вас вот... г-на Кусанова.

– Я не знаю г-на Кусанова, – сказал Сергей Петрович.

Кусанов отвёл глаза от картин, опустил голову и молча взглянул через очки на Сергея Петровича с некоторым удивлением: что это за наивный такой господин – порядков не понимает...

Сергею Петровичу показалось, что смотрит на него удав, который уже охватил его своими кольцами и вот-вот сожмёт, сдавит на смерть.

Пристав подошёл к письменному столу, положил свой портфель, вынул несколько бумаг и продолжал монотонно, немножко звенящим голосом:

– Дворянин Евгений Александрович Кусанов приобрёл от коллежского асессора Захара Васильевича Бузунова два ваших векселя: на сумму сто пятьдесят и триста, а всего на четыреста пятьдесят рублей. В обеспечение иска на эту сумму и должен я приступить к описи вашего имущества.

– Но зачем же... к описи?... Я и так уплачу... всё уплачу... до копейки...

– Когда уплатите, – тогда мы снимем арест, – сказал Кусанов баском, отчеканивая каждое слово, – а пока, г-н пристав, потрудитесь приступить к описи имущества г-на Воронина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.